

**J. L. G. Alonso (ed.). Continental Celtic word formation. The onomastic data.** Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2014. 234 p. ISBN 978-84-9012-383-6.

**Т. А. Михайлова**

**Tatyana A. Mikhailova**

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия; Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Россия  
tamih.msu@mail.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia  
tamih.msu@mail.ru

Рецензируемый сборник составлен на базе материалов конференции, состоявшейся в Университете Саламанки в сентябре 2011 г. Через месяц после очередного Кельтского конгресса, который на этот раз проходил в Университете Майнута (Ирландия) и отличался, как, впрочем и всегда, широтой тем, разнообразием участников и далеко не всегда высоким научным уровнем докладов, небольшая группа лингвистов-кельтологов собралась в Саламанке, чтобы вкусить «настоящей науки». Звучащая в моих словах невольная ирония выдает на самом деле скорее зависть: саламанкская конференция собрала действительно лучших кельтологов нашего времени и была посвящена одной из наиболее актуальных проблем современной диахронической кельтологии: углубленному изучению континентальных кельтских данных.

Континентальный кельтский языковой материал, включающий в себя кельтиберские, лепонтийские и галльские источники, а также протобритские и протогидельские, насчитывающий около 900 лет истории и разбросанный на огромной территории от Понтийских степей до Ирландии, представлен, к сожалению, крайне фрагментарно. Более того, дошедшие до нас эпиграфические памятники, как правило, вторичны по своему происхождению и отчасти калькируют соответствующие иберийские, греческие и латинские тексты, имеющие формульный характер. И лишь одна область остается истинно кельтской и позволяющей реконструировать архаическое состояние континентального кельтского и его диалектов в плане фонетики, лексики, синтаксиса и морфологии: это обильная ономастика и топонимика, представленная как в тех же надписях, так и в памятниках античной историографии. Сложные имена архаических кельтов, живших на континенте, представляют собой застывшие клаузы, содержащие автохтонную лексику, а их вариативность в пространстве и во времени позволяет судить о фонетическом развитии соответствующих языков. Именно поэтому они оказываются так привлекательны для анализа, тем более что, как пишут составители сборника, «континентальное кельтское словообразование практически проигнорировано современными кельтологами и индоевропеистами» (с. 12). Несмотря на ряд ценных монографий, посвященных континентальной ономастике (в основном галльской), и несколько частных работ о суффиксальном словообразовании, «континентальный кельтский материал продолжает оставаться Золушкой кельтской филологии» (с. 13). Попыткой подарить Золушке чудесный бальный наряд и послужили коллективные усилия участников Саламанкской конференции, поставивших себе задачей на базе ономастики выявить и описать континентальную кельтскую суффиксацию, префиксацию, аблаутные чередования, принципы сложения основ, а также диалектную вариативность (задачи сформулированы составителями на с. 13—14). И конечно же, одной из задач остается этническая и языковая атрибуция собственного имени, позволяющая уточнить ареалы расселения кельтских племен.

Но ономастический материал, при всей своей привлекательности, таит, как понимают и составители сборника, множество опасностей. Так, постоянные контакты с иноязычным окружением и взаимопроникаемость ономастических преференций делают собственно атрибуцию имени не всегда надежной. Говоря проще, кельтское имя в искаженной форме мог носить и римлянин и, напротив, псевдолатинским именем мог быть наречен юный галл,

особенно в эпоху Поздней Империи. Наличие этих подводных камней, однако, не мешает исследованию в целом, поскольку участники конференции знали об их существовании.

Само название сборника «Континентальное кельтское словообразование: данные ономастики» предполагает два разных подхода, точнее — два возможных превалирующих при анализе материала аспекта. Так, можно было сконцентрироваться на собственно словообразовании, базируясь в основном на данных ономастики, но привлекая и аппеллативную лексику. Но можно было в первую очередь привлекать для анализа ономастический материал как таковой и извлекать из анализа уже скорее исторические данные о расселении кельтов. Авторы сборника конференции невольно выбирали в своих работах один из названных аспектов, и поэтому мне представляется возможным в рецензии следовать не порядку, данному в оглавлении, а логике представленной в сборнике научной мысли.

Среди работ, наиболее явно склоняющихся ко второму, более традиционному, подходу, необходимо в первую очередь отметить интересное исследование А. И. Фалилеева («Going further East: New data, new analysis», p. 85—98). Его работа затрагивает даже не собственно ономастику, но скорее этнонимы. Автор обращается к засвидетельствованному у историка Йордана (IV в.) и ряда других античных авторов неясному этнониму *Iimari* (по мнению автора — из кельтск. \**iu-* ‘пить, глотать’ + *mār-* ‘большой’) и к этнониму *Boisci*, в котором он справедливо видит кельтское образование: как в корне (из общекельтск. \**bō-* ‘корова, бык’), так и в суффиксе *-sk-*, которому он находит множество параллелей в кельтской этнонимике. Племена «боисков» числились среди противников гуннов и занимали, видимо, территорию Восточной Европы. Но, как видно из названия статьи, А. И. Фалилеев предлагает двигаться дальше на восток и, опираясь на данные того же Йордана, а также на археологические находки последних лет (см., например, [Kazakevitch 2012]), постулирует возможность существования кельто-скифского военного (а также культурного) союза на территории Крыма и Приазовья во II—V вв. н. э. Упоминание «галло-скифов» А. Фалилеев находит и у Плутарха. Кельты названы также среди племен, заселявших Понтийские степи и район дельты Дуная, у Требеллия Поллиона («Божественный Клавдий»): при описании варварских атак на дельту Дуная в 269 г. союзниками скифов называются кельты и герулы; германское племя герулов — союзников скифов в данном случае выглядит уместно (см. [Ганина 2011: 13—18]), тогда как упоминание кельтов считалось скорее ошибкой и название *Celtae* относилось предположительно к одному из германских племен. Исследование Фалилеева заставляет по-новому взглянуть на эту проблему и, шире, заново пересмотреть этническую и историческую ситуацию в Припонтском регионе первых веков н. э. В статье также затрагивается известный факт двух кельтских заимствований в готском: *kelikn* ‘башня’ (ср. галльск. *celicnon*) и *sipōnes* ‘ученик’. Их кельтское происхождение общеизвестно, однако никогда не ставился вопрос, где именно могли иметь место контакты кельтов с готами, при которых эти заимствования произошли<sup>1</sup>. Как утверждает А. И. Фалилеев, тщательный анализ новых данных показывает, что наиболее вероятным местом такого контакта были именно Понтийские регионы, где кельты сталкивались с готами, жившими на территории Крыма.

Проблема этнической отнесенности ономастикона и пересмотр исторической карты региона прослеживаются и в статье М. Салинаса Де Фриас («Personal onomastics and local society in Ancient Lusitania», p. 17—36). В ней ставится проблема, которая в общем не нова: насколько по редким ранним данным античных историков, упоминающих кельтов, можно судить о том, что цитируемая лексема является антропонимом, а не аппеллативом (с. 18). Более поздний материал, относящийся к эпохе Поздней Империи, объемнее, однако несет на себе явный отпечаток эдикта Флавия о необходимости замены местных имен на римскую систему *tria nomina*, что привело к своеобразным попыткам искусственных замен

<sup>1</sup> Слово *celicnon* анализируется в сборнике также в статье П. Рассела, который пишет, что готск. *kelikn* является кельтским заимствованием, «хотя мы далеки от того, чтобы с уверенностью говорить о том, когда и где заимствование могло иметь место» (с. 208).

оригинальных имен и уподобления их римской системе. Просматривается здесь и греческое влияние. Так, например, как пишет автор, завоевание Испании было детально описано Аппианом Александрийским, который по национальности был греком и к тому же жил в сер. II в. н. э., т. е. более, чем на триста лет позднее описываемых им событий, поэтому имя одного из лузитанских вождей *Apouléios* представляет собой скорее эллинизированную форму латинского имени *Appuleius*. Лишь отдельные имена могут быть интерпретированы как кельтские. Так, например, имя *Kaúkainos* предположительно содержит кельтский корень *\*keu-* ‘гнуть’ и встречается в ряде топонимов, засвидетельствованных на территории Кельтиберии (*Cauca*, см. [Falileyev 2010: 96]). Гораздо более определенно кельтским автор считает имя *Oúriatos* (*Viriatos*). Он видит в нем латинское суффиксальное образование на *-iatus*, дериват от местной лексемы *viria*, обозначающей металлический обруч, который носила на шее кельтская знать. Но в таком случае имя лузитанского вождя *Viriatos* «носящий обруч» не означало автоматически ни того, что этнически он был кельтом, ни того, что его именование (как справедливо пишет в начале статьи сам автор) было собственно антропонимом.

Сходная проблематика представлена в статье Х. Валехо Руиса («Celtic personal names in the Province of Aquitania: Derivation and composition», р. 131—154). Основную задачу автор видит не столько в анализе словообразовательных структур, сколько в этнической атрибуции имен с патронимом. В именах, традиционно считающихся аквитанскими, он выделяет несколько надежных кельтских корней. Самое распространенное имя — *Diuitus* (10 примеров). В качестве приложения дан большой список основных элементов NP с примерами их сочетаний в композитах, за которым следует в чем-то более важный список имен, которые, по мнению автора, скорее всего, кельтскими не являются, но лишь кажутся таковыми. Главная цель работы — показать, что с именами надо работать с осторожностью, поскольку в Аквитании (как, добавим, и во многих других регионах) в результате постоянных контактов возникали некие межэтнические образования, лингвистическая атрибуция которых затруднена (автор открытия здесь не делает, в кельтской ономастике существует специальный термин «decknamen», см., например, [Raepsaet-Charlier 2012], который в статье не используется). Однако применительно к языку Аквитании, лингвистическая принадлежность которого до сих пор является предметом дискуссий, данные, безусловно, новые и интересные.

Статья Х. Д. Гарсиа Алонсо с элегантным названием «Видеть или верить в царство кельтских призраков» («Seeing or believing in a realm of Celtic ghosts», р. 155—164) также затрагивает более проблему принадлежности имени, чем собственно анализ его формообразования. Основная задача автора — этническое определение племени веттонов (*Vettones*), живших неподалеку от Саламанки еще в доримскую эпоху. В статье анализируется несколько имен с кельтским корнем *vek-t-* (к и.-е. *\*uegh-* ‘идти, двигаться’), причем автором тонко реконструируется вариант с фонетическим опрощением: *\*vektones* — *\*veytones* — *Vettones*. Однако здесь автор наталкивается на подводный камень: суффикс *-ones*, как он сам показывает, был так широко распространен в этнонимике ранней Европы, что его кельтская принадлежность оказывается под вопросом, а с ней и вся реконструкция «опрощенного» корня. В результате проблема веттонов остается нерешенной. Но, как известно, главное — участвовать!

Статья Б. М. Проспер («Sifting the evidence: New interpretations on Celtic and Non-Celtic personal names of Western Hispania», р. 181—200) продолжает эту же линию исследований и посвящена анализу имен, зафиксированных на Западе Испании. Ряд имен, которые фонетически не являются кельтскими и квалифицируются скорее как лузитанские, согласно ее наблюдениям, содержат форманты, отмечаемые в именах, традиционно считающихся кельтскими, и, таким образом, могут иметь кельтское происхождение. С другой стороны, например, имя *Turendi* (gen. sg.) квалифицируется обычно как кельтиберское по происхождению (к и.-е. *\*tūro-* ‘сильный’). Однако сама форма имени не реконструирует, по ее мнению, кельтской суффиксации, но зато находит параллели в латинском словообразовании, что дает

автору право усомниться в кельтской атрибуции и этого имени, как и ряда других. Более того, она высказывает интересное предположение о возможности существования в данном регионе тупиковых ветвей, относящихся к италийской группе языков.

Однако большая часть представленных в сборнике исследований может быть отнесена ко второму аспекту проблемы, где авторов уже не интересует этническая отнесенность ономастического материала и проблемы доказуемости или проблематичности данной атрибуции. Обращаясь к данным ономастики, которая уже признана кельтской, они пытаются проследить развитие фонетических и морфологических ее черт, выявить основные модели и показать возникающие при этом сложности, а также дать предположительный семантический анализ традиционных формантов.

Так, например, в статье К. Йордана Колера («The *-anko-* sequence in Celtiberian anthroponomy», p. 165—174) анализируется происхождение и стойкое сохранение кластера *-nk-* в кельтберской антропонимике (более 60 случаев; как правило, в «family names»), феномен для кельтской фонетики нехарактерный (ср., однако, [Schrijver 1995: 265]). Автор предполагает здесь наличие двух суффиксов — *-on-* + *-k-*, не слившихся в один ввиду их семантической прозрачности (продуктивная модель). Если первый маркирует локус (или — род), то второй — принадлежность к данному локусу или роду. Так, например, маркер рода (фамилия?) *Eburanko* разлагается на значимые элементы *ebur* ‘тис’ + суфф. *-ōn-* с предположительным значением индивидуализации + суфф. *-k-*, что вместе дает нечто вроде ‘принадлежащий к роду тиса’.

Линия выявления значимых элементов продолжается в небольшой статье Ксавье Де Хоза («A Celtiberian inscription from the Rainer Daehnhardt collection and the problem of the Celtiberian genitive plural», p. 51—62), которая посвящена анализу надписи на кельтиберской тессере. Автор предлагает новое словodelение текста, в результате которого вычленяется лексема *uenikenion*, содержащая легко опознаваемые корни и форманты: *uen-* ‘родич, член семьи’, *ken-* ‘сын, потомок’, *-on* — флексия gen. pl., имеющая многочисленные зафиксированные галльские и реконструируемые гойдельские параллели. Лексема в целом, таким образом, переводится как «сыновей родичей», что, видимо, не является именем собственным, но отсылает к другим, недешифрованным, элементам надписи (напомним: надписи на тессерах обычно представляли собой своего рода договоры о дружбе между семьями).

П. Рассел обращается в своей работе («From compound to derivative: The development of a patronimic ‘suffix’ in Gaulish», p. 201—214) к очень конкретному материалу — образованию имен собственных с патронимическим суффиксом *-acno-/agno-* — и пытается проследить его семантику и дальнейшее развитие (*Anevno Oclicno* ‘Анеунос сын Окла’, *Lugurix Anevnico* ‘Лугурихс сын Ануеунока’ и пр.). С точки зрения фонетической он, исходя из того что этот элемент воспроизводился греческим и латинским алфавитом, предполагает его изначальную форму *-agn-* < \**gen-* ‘рождать’. Тот же элемент автор предлагает видеть в гойдельском в форме *-agn-* > *-án-*: уже в качестве диминутивного суффикса, который ранее предположительно имел те же функции (ср. огамич. DALAGNI MAQI DALI ‘Далагна сына Дала’ (или ‘Дала сына сына Дала’?) и поздние латинские надписи с аналогичным дублированием патронима: *Amandus Velogni filius* ‘Амандус сын Вела сын’). Остается только восхищаться мастерством автора в логике и убедительности изложения материала.

То же можно сказать и о завершающей сборник работе Д. Водтко «Preverbs and personal names» (p. 215—234). Автор посвящает ее тщательному анализу превербов, фигурирующих в именах собственных, справедливо полагая, что образованные таким образом имена имеют вербальную природу (*nomina agentis*) и в качестве основы должны иметь глагольный корень. Ею проводится суммированный в виде таблицы анализ 33 превербов, часть которых функционируют как предлоги, и делается сопоставление континентальных и островных (гойдельских и бриттских) данных, причем островной материал дается в основном в виде глагольных имен. Данная методика позволяет ей выделить в галльском имени собственно корень, отделив от него предлог (преверб). Например, галльск.

*Adgenno*- реконструируется ею как преверб *ad-* + корень *gen-*, ср. др.-ирл. *ro-geinn* ‘содержит’. Основным методом реконструкции в работе оказывается привлечение сопоставительных островных данных, что в целом уточняет значение имени в галльском. Например, *Adret-* ‘нападающий, бегущий к’, ср. др.-ирл. *ad-reith*, ср.-валл. *eiryf* ‘нападает’. Однако семантическая тождественность превербов (да и основ), реконструируемая на таком широком материале, разошедшемся по времени на тысячелетие, может вызвать некоторые сомнения. Впрочем, как справедливо завершает Водтко свою статью: «Наконец, разрешите мне еще раз сказать, что все это лишь предварительное исследование. Эта область требует еще дальнейших глубоких исследований, как и любая иная область, касающаяся континентального кельтского материала» (с. 232).

Небольшое частное исследование Д. Штифтера («Two Continental Celtic studies: The vocative of Gaulish and *Essimnus*», р. 99—122) обращено к проблеме вокатива в континентальном кельтском. Тщательно изучив материал, засвидетельствованный как в кельтиберских надписях II—I в. до н. э., так и в относительно поздних галльских диалектах, зафиксированных на территории тревиров (совр. Трир, Германия), он приходит к выводу, что уже на довольно раннем этапе вокатив заменялся номинативом, тогда как *-e* — вокатив основы на *-ō* (*gnate!* ‘о, сын’ и проч.) — является, напротив, поздним и обязан своим появлением латинскому влиянию (*amice!*). Это наблюдение мне кажется очень важным, поскольку в древнеирландском вокатив сохранялся очень долго, а для ряда устойчивых форм сохраняется и сейчас. Говорит ли это о раннем отделении протогойдельского от общекельтского континуума? Трудно сказать, Впрочем, содержащийся в исследовании Д. Штифтера вывод также представлен как дискуссионный.

Морфологическому системному анализу посвящена и статья К. Деламаппа («Une recurrence de la toponymie vieille-celtique: les formations an nasale *-(h)on* faites sur un théonime du type *Vesontiō* (locus) ← *Vesontis* (deus)», р. 175—180). Им выдвигается предположение: все топонимы с основами на назальный — это не дошедшие до нас имена галльских богов. Действительно, теонимы с подобным расширением засвидетельствованы в древнем кельтском широко (см. [Stüber 1998]) и постулируемый им переход возможен. Наиболее известным примером является имя Ирландии, названной будто бы в честь одной из богинь-охранительниц острова: *Ériu*, ген. *Érinn*. Кажется поспешным все 62 приведенных топонима с назальным расширением считать не дошедшими до нас теонимами, хотя с рядом предположений хотелось бы согласиться. Так, соотношение галльского теонима *Albios* (к и.-е. \**albho-* ‘светлый’) с ирландским названием Британии — *Albiú*, *Albionn* — предлагалось еще В. П. Калыгиным [Калыгин 2006: 20]. Однако направление семантической деривации имен с назальным суффиксом, как кажется, может быть и противоположным. В качестве контр-примера приведем теоним *Alisanos*, образованный от топонима *Alesia* (т. е. бог — покровитель Алезии, см. в известном словаре самого же Деламаппа [Delamarre 2003: 38—39]).

Исследование П. И. Лабмера («Some Gaulish participial formations», р. 123—130) также привлекает для морфологического анализа галльской ономастики гойдельский материал. Он предполагает, что древнеирландские глагольные «формы необходимости»<sup>2</sup> находят параллели в записанной греческой графикой владельческой надписи — *esceggolati aniateios immi*, букв. «Эскегголата не-отнимаемое я есть» (т. е. ‘меня нельзя отнять у Эскегголата’), а также в двучленном имени из другой, тоже греческой, надписи — *Anextlo-iateos* «защиту требующий», т. е. тот, кто нуждается в защите, кто следует защищать. Правда, как пишет автор, в составе лексемы ясно не все: неоправданны геминированный *t* (его происхождение можно объяснить исходя из материала, представленного в статье П. Де Бернардо Штемпель в этом же сборнике) и отсутствие тематического инфикса *-i-*, который маркирует инактивность, ср. *an-iateios* и *-iateos*. В качестве параллели в работе привлекаются также древнебретонские формы. Правоммерно ли, как это делает Ламбер, верифицировать галльские данные,

<sup>2</sup> «Verbal of necessity»: *Nibo chomitesti dó* ‘не следует простить его’ (букв. «не есть это прости-тельно ему»), *Ní dénti dúib-si anísín* ‘не следует вам делать это’ (букв. «не деятельно вам-же это»).

прибегая к фактам древнеирландского языка, который отделен от галльского временным интервалом в 800 лет? В свое время он сам предостерегал от таких поспешных и неточных выводов (см. [Lamber 1997])<sup>3</sup>. Видимо, делать это можно, но при этом надо постоянно помнить о том, что всякое сравнение должно быть проинтерпретировано. Видимо, здесь мы имеем дело с параллельным развитием разных ветвей кельтских языков, которые на базе тех же суффиксов *-s/-t* развили одни и те же морфо-семантические форманты.

Две оставшиеся работы, на которых хотелось бы остановиться подробнее, касаются выявления общих закономерностей, по которым шло независимое развитие поздних континентальных и ранних островных кельтских языков (т. е., как я понимаю, датируемых периодом от I в. до н. э. до V в. н. э.).

Статья известного специалиста по кельтской ономастике периода Империи П. Симс-Вильямса («The Celtic composition vowel *-o-* and *-io-*», р. 37—50) затрагивает очень локальную тему — судьбу тематических (позже — соединительных) гласных *-o-/-io-* в композитах (как в ономастике и топонимике, так и в этнонимах). Автор выделяет несколько случаев регулярных замен ( $o > i$ ,  $i > o$ ,  $u > o$ ), засвидетельствованных как в островных кельтских языках (на ранних этапах, бриттском и гойдельском), так и в галльских диалектах, однако, как он справедливо при этом отмечает, ни одного четкого правила, которое могло бы быть уподоблено более поздним островным вокалическим перегласовкам (vowel affection, см. [Королев 1984: 40]), в проанализированном материале найти не удастся, что кажется естественным. Более того, в ряде случаев приведенные автором языковые данные являются не собственно кельтскими, а результатом латинской или греческой фонетической интерпретации лексемы, что привносит дополнительный осложняющий фактор. Например, галльское имя *Litugen(i)os* ‘праздником рожденный’ в греческой эпиграфике принимает форму *Litogenes*, поскольку, по мнению автора, в иноязычной интерпретации продуктивными осмыслялись только *o*-основы. Однако приведенные им примеры замен  $o > i$  данному выводу, как кажется, противоречат (*Camulorix* ‘героев король’ > *Camulirigis*, gen.). В результате автор приходит к выводу о принципиальной невозможности выявления какой бы то ни было системы в вокалических заменах и объясняет их «фактором фонетической гармонии» (с. 48), который сам он считает неопределенным и не поддающимся систематизации. С ним не всегда можно согласиться. Так, например, этноним *Petrucorii*, засвидетельствованный в галльских монетных легендах и у латинских авторов, принимает форму *Petrocorii*, что четко укладывается в правило раннего гойдельского понижения, согласно которому, в частности,  $u > o$  под влиянием *o/a* в следующем слоге. Аналогичных примеров, пользуясь лишь данными самого Симс-Вильямса, можно найти еще много, однако, действительно, однозначной интерпретации они не поддаются; видимо, в одних случаях можно говорить о реальных фонетических переходах, в других — о традиционных воспроизведениях двучленных имен (причем в разных графических традициях).

Особый интерес в свете сказанного представляют надписи-билингвы, засвидетельствованные в основном в Британии и датируемые III—V вв. Так, например, в надписи № 446, обнаруженной на территории Уэльса, одно и то же, гойдельское по происхождению, имя представлено в огамической форме как *MAGLICUNAS* («князя-пса», gen.), а латинским письмом как *Maglocuni*. На наш взгляд, случай относительно прост: гойдельское двучленное имя воспринималось как микроклауза, каждый член которой в надгробной надписи должен был принять форму генитива (*\*maglo-s > magli*, *\*kú > kunos > kunas*). В латинской же передаче имя воспринималось как нечленимое *Maglocunos* и принимало форму латинского генитива *o*-основы. Аналогичным образом в виде «живых» генитивов предлагал рассматривать

<sup>3</sup> Для меня реконструкция некоего общего «континентального кельтского языкового континуума», которая невольно происходит в ходе внимательного чтения сборника, оказывалась в противоречии с данными глотто-хронологии, согласно которым протогойдельский отделился от протобриттского примерно в 1200 г. до н. э. (см., например, [Blažek 2007]). Авторы сборника этой проблемой, естественно, отягощены не были.

вокалические изменения в огамических именах и Ю. Улих, «раскладывая» имена на составляющие их основы, например: CULIDOVÍ вместо \*CULADOVÍ: nom. \*CULA \*DOVA ‘спина черная’ — gen. CULI-DOVÍ (см. [Uhlich 1993: 32]). Автор допускает возможность такой интерпретации, но она кажется ему не совсем точной из-за предположительной разницы в датировках: архаический генитив на *-as* в огамической форме, по его мнению, не может сосуществовать с латинизованной формой. Это замечание было бы уместно, если бы мы точно знали, что оба текста, огамический и латинский, написал одно лицо, владеющее не только двумя (или даже тремя — гойдельским, бриттским и латинским) языками, но и основами правописания в двух системах — огамической и латинской. Но можно предположить и иное: огамическая надпись была выгравирована гойделом, а затем продублирована бриттом в форме, которая была привычнее тем, кто владел латинским письмом. Дальнейший анализ британских билингв, как и латинских интерпретаций галльских имен, с данной точки зрения мне представляется очень перспективным.

И в заключение хотелось бы особо отметить статью Патрисии Де Бернардо Штемпель («The phonetic interface of word formation in Continental Celtic», p. 63—84), которую я считаю в рецензируемом сборнике самой важной. Основную проблему автор видит в том, что «анализ словообразования в континентальном кельтском должен преодолеть главную тенденцию сегментизации каждой лексемы без предварительного понимания того, какие фонетические изменения могли произойти в ней, изменив ее первоначальную структуру» (с. 63). В работе прослеживается ряд фонетических изменений, носящих достаточно регулярный характер и приводящих к неверной трактовке корневых и морфемных сегментов. Так, например, отмеченная ею геминация в заударном слоге (см. в связи с этим статью П. И. Ламбера) приводит к ошибочному переразложению составляющих имя собственное сегментов, при котором геминированный суффикс начинает восприниматься как второй корень. Так, имя *Condollos* трактуется К. Шмидтом как состоящее из двух основ *cond-* ‘ум’ и *ollo-* ‘большой, великий’ (см. [Schmidt 1957: 182; Delamarre 2007: 228]), тогда как, по мнению автора, здесь, как и в других именах на *-ollos/-ollus*, речь идет лишь о геминации диминутивного суффикса. Особое внимание в работе уделено возможным фиксациям ленированных консонантов, причем автор выделяет как «общекельтскую» леницию, при которой происходит смешение графем *m/b*, отражающих один звук */v/* (*Danubium* ~ *Danuvium* ~ *Danumium*), так и леницию «бриттского типа», проявляющуюся, по ее наблюдениям, в позднем галльском. Так, например, бриттскую аспирацию геминаты *kk > h* она видит в написании имени *Broccus* вместо *Broccus* ‘барсук’. Более того, Де Бернардо Штемпель отмечает также «эквативные» образования в ономастике, формирующиеся по такой же модели, по которой затем сформировался экватив в валлийском (*du* ‘темный, черный’ ~ *kynduhet* ‘такой темный, как...’): аналогичную конструкцию она видит в имени *Cocirus* < \**ko* + *keiro* ‘темный’ + *s* (с. 70).

Лет двадцать назад старой галло-бриттской теории строго указали на дверь (см. [Koch 1992; McCone 1996]) и большинство кельтологов стало разделять так называемую «инсулярную» концепцию членения кельтского языкового древа, согласно которой протобриттский оказывался более близким протогойдельскому, чем галльскому. Исследование Де Бернардо Штемпель, возможно незаметно для нее самой, ясно показало несостоятельность такого подхода.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ганина 2011 — Ганина Н. А. Крымско-готский язык. СПб.: Алетеия, 2011. [Ganina N. A. *Krymsko-gotskii yazyk* [The Crymean Gothic language]. St. Petersburg: Aleteiya, 2011.]
- Калыгин 2006 — Калыгин В. П. Этимологический словарь кельтских теонимов. М.: Наука, 2006. [Kalygin V. P. *Etimologicheskii slovar' kel'tskikh teonimov* [An etymological dictionary of Celtic theonyms]. Moscow: Nauka, 2006.]
- Королев 1984 — Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка. М.: Наука, 1984. [Korolev A. A. *Drevneishie pamyatniki irlandskogo yazyka* [Earliest texts in Irish]. Moscow: Nauka, 1984.]

- Blažek 2007 — Blažek V. From August Schleicher to Sergei Starostin: On the development of the tree-diagram models of the Indo-European languages. *The journal of Indo-European studies*. 2007. Vol. 35. No. 1—2. Pp. 82—111.
- Delamarre 2003 — Delamarre X. *Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtique continental*. Paris: Errance, 2003.
- Delamarre 2007 — Delamarre X. *Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique*. Paris: Errance, 2007.
- Falileyev 2010 — Falileyev A. *Dictionary of Continental Celtic place-names*. Aberystwyth: CMCS, 2010.
- Kazakevitch 2012 — Kazakevitch G. Celtic military equipment from the territory of Ukraine: Towards a new warrior identity in the pre-Roman Eastern Europe. *Studia Celto-Slavica*. 2012. Vol. VI. Pp. 177—212.
- Koch 1992 — Koch J. T. 'Gallo-Brittonic' vs. 'Insular Celtic': The Inter-relationship of the Celtic languages reconsidered. *Bretagne et pays celtiques: langue, histoire, civilisation*. Le Menn G. (ed.). Rennes: Presses universitaires de Rennes, 1992.
- Lambert 1997 — Lambert P. Y. Gaulois tardif et latin vulgaire. *Zeitschrift für celtische Philologie*. 1997. Vol. 49—50. Ss. 396—413.
- McCone 1996 — McCone K. *Towards a relative chronology of Ancient and Medieval Celtic sound change*. Maynooth: National university of Ireland, 1996.
- Rapsaet-Charlier 2012 — Rapsaet-Charlier M.-T. 'Decknamen', homophony, assonance: An appraisal of conconance phenomena in onomastis of the Roman Empire. *Personal names in the Western Roman world*. Meisner T. (ed.). Berlin: Curach bhán, 2012. Pp. 11—24.
- Schrijver 1995 — Schrijver P. *Studies in British Celtic historical phonology*. Amsterdam: Rodopi, 1995.
- Schmidt 1957 — Schmidt K. H. *Die Komposition in gallischen Personennamen*. Tübingen: Walter de Gruyter, 1957.
- Stüber 1998 — Stüber K. *The historical morphology of N-stems in Celtic*. Maynooth: National university of Ireland, 1998.
- Uhlich 1993 — Uhlich J. *Die Morphologie der komponierten Personennamen des Altirischen*. Witterschlick; Bonn: M. Wehle, 1993.